

А.Д. Карнышев

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА КАК ПРИМЕР СОЧЕТАНИЯ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ

В нашей совместной работе с М.А. Винокуровым была детально рассмотрена проблема взаимодействия традиций и инноваций в российском массовом сознании¹. При этом инновация, согласно концепциям культурологии и социальной психологии, дифференцируется не только как нововведение, но и как «социальное воздействие, при котором мнение меньшинства оказывает влияние на группу в целом»². По нашему мнению, такую формулировку инновации можно перенести в более широкие социальные рамки и рассмотреть на примере взаимодействия этнокультурных групп в обществе.

Одной из самых известных отечественных групп «меньшинств» в истории России, доказавших свое действенное влияние на всю российскую жизнь, было старообрядчество. Причем именно значение деятельности старообрядцев в экономике разных времен и территорий страны доказало мощь их хозяйственной практики и идеологических воззрений. С позиции сегодняшнего (и не только) дня на староверов смотрят не как на носителей отживших традиций, но, прежде всего, как на обладателей таких качеств, которые очень востребованы в рыночной экономике. К примеру, бунтарскую и одновременно позитивно-критическую сущность их мировоззрения на основе суждения историка XIX в. Н. Костомарова так отражает А.В. Антонов: «В старинной Руси господствовало отсутствие мысли и невозмутимое подчинение авторитету властвующих, — старовер любил мыслить, спорить, старовер не успокаивал себя мыслью, что приказано сверху так-то верить, так-то молиться, то, стало быть так и следует; старовер хотел сделать собственную совесть судьей приказания; старовер пытался сам все проверить, исследовать. Жизнеописания большинства выдающихся деятелей старообрядчества изобилуют примерами, когда человек приходил к

истине через бремя сомнений, слезы покаяния и молитвы, тяжкий подвиг духовного выбора. Никакой “косности” пребывания в “тупой приверженности старине” здесь нет и в помине»³.

Такая серьезная оценка сути старообрядчества побуждает нас более детально обратиться к историко-психологическим характеристикам староверов, которые после раскола в XVII в. распространились по всей стране. Они жили относительно изолированными поселениями, отличались не только спецификой религиозных воззрений, но и сохранением самобытности древней русской культуры, нравственно-психологическими заповедями хозяйствования труда и совместного общежития. Характеризуя огромную инновационно-созидательную деятельность общин на сибирской земле, их сплоченность, взаимопомощь и взаимовыручку Н.А. Некрасов писал: «Воля и труд человека дивные дивы творят».

Старообрядчество, как движение и дела личностей, а также некоторых старообрядческих общин, в том числе в области хозяйствования и предпринимательства, широко известны по всей России и отражены во многих работах. Для нас важно посвятить статью анализу некоторых психолого-экономических проблем старообрядцев, подневольно переселившихся в глушь Сибири в середине XVIII в. «Горсточку русских сослали в страшную глушь за раскол», — писал об этих людях поэт. Основная их часть осела на Алтае и стала прозываться кержаками, и в ряде сел, которые находятся около Байкала и далее на восток на территории современной Бурятии, Забайкальского края и Амурской области, в основном недалеко от рек Селенга, Чикой, Хилок. Именно о забайкальских старообрядцах рассказывают строки выше приведенного стихотворения Н.А. Некрасова. К своему названию «старообрядцы» изгнанники по религиозным мотивам при переходе в Сибирь получили так же эпитет «семейские», поскольку были сосланы и прибыли в Забайкалье семьями.

Неприятие предками «старообрядцев» реформаторских идей и взглядов в православной церкви России, которые проводил патриарх Никон в середине XVII в., стало выражением известного течения, именуемого «раскол». Суть его внешне связывалась с защитой старых обычаев и обрядов, старой веры, но более глубокие корни «раскола» лежали несомненно в том, что крестьяне и другие пред-

ставители различных слоев русского народа выступили в защиту своих исконных прав. Раскольники подняли свой голос не против одного патриарха Никона, но и против тех установлений, от которых в то время более всего страдал народ: против «даней многих и, в частности, подушных податей, отсутствия правосудия, против лихоимства и судебной волокиты, сыска с пристрастием, против размежевания земель, паспортов, стесняющих народ» и пр.

Многие авторы отмечали влияние сугубо религиозного раскола на все стороны жизни и житейской психологии людей, втянутых в него. В Настольном энциклопедическом словаре, изданном в самом конце XIX в., отмечалось, что в расколе «самым поразительным образом перемешиваются идеи и стремления чисто религиозные с вопросами и стремлениями бытового, социального характера... Под влиянием Раскола складывается и развивается семейная и домашняя жизнь многомиллионной массы сектантского населения; под его влиянием устанавливаются и регулируются взаимные отношения членов семьи между собою, привычки, взгляды, наклонности, верования. Раскол обуславливает и взаимные отношения своих приверженцев как членов известного общества. Наконец, Раскол окрашивает известным образом и политические воззрения своих последователей, определяет их отношение к государственному строю и общественным учреждениям»⁴. К этому надо добавить, что древнеславянские нормы и традиции, защищаемые раскольниками-старообрядцами, во многих аспектах касались трудовой деятельности и хозяйственных отношений русского крестьянства, и следование таким нормам способствовало сохранению и укреплению «раскольничьих» общин.

Негативное отношение к старообрядческому движению со стороны царских и церковных властей повлекло то, что староверы были сначала вынуждены уйти от гонений на земли Польши, Украины и Белоруссии, а затем были семьями сосланы или добровольно ушли за единоверцами в бескрайние просторы Сибири. И именно тяжелая судьба вынужденных переселенцев сплотила старообрядческие общины.

Во-первых, данные общины скреплялись своим *религиозно-духовным единством, своим непризнанием чуждых ценностей*, которые им стремились насильно внедрить в сознание.

Во-вторых, сам *тяжелый страдальческий путь* в новые места проживания несомненно могли выдержать только люди, отличающиеся взаимовыручкой и сотрудничеством, помогающие друг другу в долгой (подчас длящейся годами) дороге.

В-третьих, *экстремальные условия жизни в Сибири* не могли не подкрепить их стремления совместно преодолевать все тяготы и лишения.

В-четвертых, многое для укрепления их общинной психологии сделали и *совместный труд и хозяйствования на новых местах*. Ведь им пришлось осваивать ранее неплодородные неудобные земли, вырубать леса и разрабатывать болота, строить новые села и слободы, создавать новые промыслы и развивать торговлю.

И, наконец, немалую роль в единении старообрядцев на новых местах сыграло и то, *что органы власти выражали открытое недоверие пришлым староверам*, не давали им избрать в руководство собственных лидеров, препятствовали им в отправлении религиозных обрядов и поддержке специфических духовных ценностей. Здесь действовал принцип «от обратного»: чем больше власти противились стремлению старообрядцев иметь своих священников и публично совершать богослужения, избирать из своего круга волостных старшин и т.п., тем более укреплялись неформальные корпоративные группы семейских.

В конце концов, это привело к тому, что староверческие сообщества стали внутренне отличаться своим демократизмом и взаимовыручкой, своей, можно сказать, бытовой порядочностью, аккуратностью в делах и добросердечностью в житейских связях. Они сумели защитить исконные русские национальные особенности, проявляющиеся прежде всего в соблюдении исконных норм труда и хозяйствования, старинных русских обычаев, обрядов, одежды, верований, языка, самобытного искусства и т.п. Именно в старообрядческой среде постоянно поддерживался глубокий интерес к древнерусскому православному наследию, к дониконовским церковным книгам (большинство из старообрядцев были грамотными). И именно в старообрядчестве духовные и нравственные нормы древнерусского православия вошли в повседневную жизнь и стали реальными основами устройства всего образа жизни.

Старообрядцы старались во всем противопоставить себя тем, кто стоял «по ту сторону» раскола. Они отказывались покупать у «еретиков-никониан» продукты и товары, делить с ними трапезу, принимать пищу и питье из сосудов, до которых лишь дотрагивались «вероотступники». Они стремились быть выше последних. Этому же служило и повседневное благочестие: «семейские» свято блюли исконные предписания морали, не употребляли спиртного и не курили, уделяли очень большое внимание чистоте жилищ. Особое трудолюбие, упорство, старательность, расчетливость и рациональное хозяйствование также как бы выделяли старообрядцев из массы «еретиков», подчеркивали их превосходство.

Старообрядчество несло в себе и положительные и негативные элементы. С одной стороны, оно сохраняло многие древнерусские традиции, национальное лицо и национальную память, духовную и нравственную чистоту народа. И этот «дух» пронизывал всю хозяйственную жизнь «семейских». С другой стороны, старообрядчество — это своего рода сектантство, далеко не всегда оправданное противопоставление себя с другими людьми, что порой порождало ненужную гордыню, упрямство, фанатизм.

Освоение сибирских и более отдаленных восточных территорий (впоследствии в связи с малоземельем в Забайкалье многие «семейские» опять-таки семьями переселялись на Амур, Зею, Усури) показало, что основной хозяйственной единицей у старообрядцев было «общежитие» или община, идейно проявляющая себя в качестве церковного прихода. Выживание и благополучие в условиях гонения властями в резко-континентальном климате Забайкалья, при освоении весьма трудной «прежде бесплодной земли», зачастую зависело только от общей духовной сплоченности, от взаимной помощи и поддержки. В старообрядческой среде особенно ярко проявились уже названные русские традиции «помочей», т.е. коллективного труда, вдохновенного не утилитарно-экономическими, а нравственными и религиозными целями.

Своим хозяйственным укладом и бытовым образом жизни семейские полностью оправдывали свое название, произошедшее, как мы помним, оттого, что в ссылку они шли целыми семьями. И здесь на новых местах, они так же имели большие семьи. Естественный прирост семейских был в несколько раз выше, чем среди

всех других поселенцев Восточной Сибири и Забайкалья. Женщины-старообрядки поражали удивительной плодовитостью, у многих из них рождалось от 10 до 24 детей. Нередко из-за нежелания делить хозяйство после женитьбы новые семьи оставались жить в отчем доме. Такие семьи были многолюдны — до 30–40 человек, состояли из трех-четырёх поколений. Каждый член такой семьи четко знал свои права и обязанности. В больших неразделенных семьях обычно устраивалось понедельное дежурство невесток по дому и хозяйству, под управлением свекрови; часто проходили своего рода «негласные» соревнования — «смотри» трудолюбия, кулинарных, швейных и других бытовых умений.

Наличие такой «семейственности» было экономически целесообразно и выгодно. «Большая семья», скрепленная кровным родством, отношениями совместной собственности и духовно-нравственными заветами старообрядчества, была основной «производительной» единицей у старообрядцев. Она была готова к преодолению любых тягот и трудностей, поскольку среди ее разновозрастных мужиков и «баб» всегда находились работающие, умелые, ответственные исполнители для любого вида сельскохозяйственных работ. В такой семье было легче «переживать» любые гонения, лишения, горе и напасти.

Своеобразная религиозно-бытовая идеология, особенности хозяйственного уклада, уважение к заветам русской старины предопределили функционирование в старообрядческих общинах специфических норм. Вот образцы некоторых из них:

– наличие у каждой семьи земельного надела и «раздел» наследства по следующему порядку: сыновьям — по равной части земли, строений, утвари и т.п., дочерям — определенная доля имущества, устанавливаемая главой семьи; в случае разногласий передача спорных моментов на «общественный сход» с приоритетом мнения стариков;

– лишение женщин земельных наделов со ссылкой, что они не будут отбывать всех общественных повинностей, не пойдут служить в армии; женщинам так же не давалось право голоса на сходках;

– строгое соблюдение постов и морально-религиозных уставов (не случайно «неофициальный» священнослужитель у семейских назывался «уставщиком»);

– у староверов наблюдалось безусловное почитание главы семьи, которым обычно был наиболее работоспособный член семьи по отцовской линии. Даже старики-родители слушались сына, считая его кормильцем всей семьи; без его разрешения дети не имели право идти на гулянку или вечеринку, «без спроса» у него не начиналась работа, не делались покупки и т.п.;

– уважение и внимание к старикам, опора на их мнения и опыт; главы семейств советовались с ними по многим делам;

– заключение браков только с разрешения родителей и только в собственной среде с учетом родственных связей «до седьмого колена»; вступление в брак с православными нового толка, а тем более с иноверцами долгое время считалось грехом и позором;

– обязательное исполнение при женитьбе и замужестве ряда устоявшихся обычаев и традиций, в частности: длительное ухаживание, сватовство, калым за невесту (домашняя утварь, постель, скот и т.п.), запрет разводов: «что бог связал, человеку не развязать»;

– «табу» на табакокурение и винопитие (за исключением некоторых праздничных дней);

– запрещение брадобрития, как у пожилых, так и у молодых (до империалистической войны к иконам и кресту не допускались люди, которым в силу необходимости приходилось прибегать к помощи бритвы, например, солдаты);

– непризнание «светских» школ, где не было закона божьего и церковно-славянской грамоты;

– свобода и демократичность взаимоотношений между молодежью, не доходящая до половой распущенности; при проявлении таких случаев со стороны девушек последние подвергались презрению и осмеянию.

Кроме названных в семейской среде было много и других установлений, которые заметным образом отличали их не только от аборигенного населения, но и от русских старожилов, живущих по соседству.

Исконно присущая староверам высокая степень религиозной нетерпимости, особенно по отношению к «инородным» конфессиям обуславливала то, что они отчужденно и без особого энтузиазма относились к контактам с бурятским населением после своего прибытия в Сибирь. Но со временем жизнь делала свое дело.

Невозможно было обойтись без более-менее регулярного взаимопроникновения и взаимовлияния традиций труда и быта староверов и бурят в различных сферах жизнедеятельности. Точно так же, как и у других русских, одной из важных форм взаимодействия семейских и бурят являлась передача крестьянами части своего скота на летнюю пастьбу бурятам, имеющим земельный достаток. Многие семейские имели свои заимки на землях, принадлежащих бурятам. Там заводили себе нухеров (нухэр (бур. — друг, товарищ)). Малоземелье в разросшихся семейских селах заставляло старообрядцев арендовать свободные земли у бурят. Оказал неоценимое влияние на скотоводческую практику семейских богатый опыт бурят. В частности, это отразилось в использовании многих названий животных, заимствованных у бурят: двухлетний бычок — бурун (бур. — буруу), маленький ягненок — кургашек (бур. — хурьган), кастрированный баран — ерген (бур. — ергэн). Заимствовалась и другая бытовая лексика: сутунок — обрезок бревна, чумбур — чересседельник и т.д. и т.п.

Один из авторитетных исследователей жизни и быта семейских Забайкалья Ф.Ф. Болонев приводит множество фактов взаимовыгодных контактов между русским и бурятским народами. В домашних делах и обычаях русское забайкальское население немало усвоило изделий, обычаев, поступков и сноровок бурятских. Русские бабы, по примеру буряток, шьют по-бурятски «яргачи» — козлиные или тарбаганьи шубы, у которых на груди вышиваются шелком разные узоры и передняя пола делается шире исподней, при опоясывании накладывается наверх другой полы, застегивается на боку шеи, так что пола покрывает грудь. У бурят русские заимствовали умение и обычай выделывать пуговицы и корольки из разных костей. У бурят они заимствовали все принадлежности седлания лошадей, удержав и названия бурятские. Подобно бурятам русские «сидят арака» — видно, только из кобыльего молока, но по всем правилам бурятского винокурения, усвоив притом и бурятские названия этих орудий. По примеру бурят русские приготавливают «секшу», т.е. варят кровь животного, смешивая с жиром, верят в бурятское шаманство. Заимствован семейскими у бурят и так называемый «бурятский узел», очень надежный и удобный в хозяйственной крестьянской практике, в частности, для привязывания лошадей, для завожживания и т.п.⁵

Приведенные факты межэтнического сотрудничества имеют важное значение, поскольку до сих пор в литературе встречаются обвинения в адрес старообрядцев по поводу их нетерпимости к иноверцам, пренебрежения к «нехристианам» и т.п. Авторы подобных материалов справедливо подчеркивают добропорядочное отношение простого россиянина к различного рода инородцам, но все же несколько предвзято оценивают традиции старообрядчества: «История народной колонизации Урала, Сибири и Кавказа свидетельствует об удивительной терпимости русских к туземцам. Русский православный человек не брезговал общением с туземцами, быстро усваивал их язык, вместе с ними трудился и трапезничал, из их среды брал жен. Наоборот, развитое в среде старообрядчества чисто иудаистское представление о своем избранничестве, о нечистоте всех «нехристиан» и фарисейские запреты общения с ними не только в молитве, но и в быту — все это тоже никакого отношения к русской самобытности не имеет»⁶. Приведенные примеры хозяйственного сотрудничества семейских с бурятами показывают, что старообрядцы со временем в основном преодолели рассматриваемую ограниченность.

В старообрядческих общинах на основе житейской необходимости складывались следующие формы саморегулирования совместной жизнедеятельности. Во-первых, осуществлялась дифференцированная раскладка всякого рода податей, которую производили сами общинники с учетом средств и силы плательщиков. Во-вторых, многие жизненно необходимые решения принимались вне всякого административного вмешательства и были в целом максимально эффективны.

Надо отметить, что и переселения семей и целых групп старообрядцев из Забайкалья на новые земли, в частности, на Амур и в Якутию, чего требовало царское правительство, осуществлялось по решению волостных и сельских сходов вплоть до первой мировой войны.

Таким образом, религиозно-духовное единение, самообеспечение и саморегулирование, неприятие над собой никакого начальства, самоволие, стремление к независимости, желание полной свободы действий в своей религиозной и общественной жизни, — вот основные социально-психологические причины, обеспечившие не только выживание старообрядческих

общин в труднейших условиях Сибири, но и их поступательное развитие.

Существование традиционных форм саморегулирования обуславливало не только негативное отношение семейских к разного рода «начальникам», но также и неприятие функционирующих в центральной России земских форм самоуправления.

В среде старообрядцев по отношению к религиозным обрядам и канонам все же не было единомыслия и это отражалось на их «мирской» жизни. После реформ Никона оформилось 2 течения старообрядцев, противоположных по своим взглядам на церковь, государство, общество, благотворительную деятельность. *Первое течение* — *поповцы*, представляло носителей традиционных идей, последователей *боголюбцев*. Религиозное движение боголюбцев возникло в XVII в. Боголюбцы впервые в церковной истории России призывали православных спасать не только свои души (в скитах и монастырях), но и всю русскую церковь и все общество мирян, не уходить от мира, а преобразовывать его, утверждая тем самым приоритет социально значимых ценностей. Поповцы продолжали верить в возможность священства, в реальность нормальной христианской жизни на земле. Являясь оптимистами по взглядам, они не отделились от мирских проблем, находясь ближе к официальной церкви, государству, обществу, чем представители *второго течения* — *беспоповцы*.

Беспоповцы были не однородны по составу, делились на множество течений и были менее представлены в деловой среде. По характеру это было радикально-пессимистическое движение, имеющее иные ценностные установки. Они считали, что благодать исчезла в мире, мир грешен, порочен, нужно уйти из мира, от взаимодействия с ним, жить своей общиной (существовал даже специальный обряд очищения продуктов и товаров, купленных в миру). Самые радикальные толки запрещали браки и деторождение, пропагандировали самоочищение голодной смертью и самосожжением. Они совсем отошли от церкви и государства, не признавая их как социальные институты.

Оптимистическое и пессимистическое отношение к действительности отражаясь и в коллективных психических состояниях, настроениях и преобладании определенных образов в

восприятию староверов. У поповцев преобладающим являлось чувство надежды, веры в светлое будущее, победу добрых сил, любовь к миру; у беспоповцев — чувство страха перед грехами мира, связанное с ожиданием прихода Антихриста. Образ светлого воскресения Христова преобладал в восприятии поповцев, образ Антихриста — у беспоповцев.

Направленная во вне структура общения поповцев включала четыре уровня: *индивид–семья–община–общество*. Беспоповцы не придавали должного значения двум подструктурам — семье и обществу, стремились в основном реализовать себя взаимодействием в системе *«индивид–община»*.

Вышеперечисленные различия и определили разное отношение к предназначениям и особенностям экономической, предпринимательской деятельности и помощи людям. В среде староверов-беспоповцев было немало активных предприимчивых людей, добывающих и своего благополучия и значительных прибылей за счет постоянной работы. К примеру, девиз трудолюбивых беспоповцев-федосеевцев гласил: *«Праздность — училище злых»*. Вместе с тем, обогащаясь, федосеевцы думали только об интересах общины и своих собственных выгодах. Идеи благотворительности, помощь «чужим» были неприемлемы для них, отрицающих грешный мир.

Представители поповцев в Сибири и в целом по России отличались не только своей активностью в торговле и предпринимательстве, но и своей открытостью к людям, своей благотельностью. Среди них было много известных людей. В центральной России к ним относились известные предпринимательские семьи: Морозовы, Прохоровы, Гучковы, Рябушинские, Хлудовы, Коноваловы и др., которые своими меценатством и «спонсорством» были известны далеко за пределами России.

Р. Андерсон и П. Шихирев в своей книге рассматривают «пекреличку», созвучие протестантской трудовой этики американских деловых людей и русских купцов — представителей старообрядчества. Они приводят немало близких норм и принципов их предпринимательской морали, показывают единство их взглядов на общественное предназначение бизнеса и купеческой деятельности. В частности, они цитируют весьма характерные слова В. Стасова о «новой породе» русских купцов: «У них,

не смотря на богатство, всегда было мало охоты до пиров, до всякого жуирства и нелепого прожигания жизни, но была у них великая потребность в жизни интеллектуальной, было влечение ко всему научному и художественному. И всегда, во всем стоит у них на первом месте общественное благо, забота о пользе всему народу. ... Именно в купеческой среде необычайно были развиты и благотворительность, и коллекционерство, на которые смотрели как на выполнение какого-то свыше назначенного долга»⁷.

Приведенное в книге сопоставление старообрядческих и протестантских норм деловой жизни и конкретных поступков их выразителей — купцов и бизнесменов показывает, что совершенно независимо друг от друга, олицетворяя определенную историческую закономерность, и в России, и в Америке складывался тип нового предпринимателя, новатора и труженика, радателя за общественные интересы. В Америке протестантская этика бизнесменов стала мощным стимулом развития экономики многих и многих предприятий и в целом всей страны. В России же влияние трудовой морали старообрядцев на деловую жизнь было остановлено на несколько десятилетий. Но эти нормы, верится, не потеряны данной этнической группой, они должны быть обязательно возрождены и работать на благо России.

Проблема «меньшинства» и «большинства» на примере старообрядчества так же нуждается в современном осмыслении. В частности, важно выявить, в какой мере сохранились и могут ли использоваться некоторые традиционные ценности старообрядцев. Лучше всего это, конечно, проследить на примере подрастающего поколения: принципиально важно выявить, сохранило ли оно нравственное богатство своих предков. В связи с этим в начале 2000-х гг., подготавливая монографию «Этнопсихология старообрядчества»⁸, автор данной статьи вместе с Н.Н. Помуран провели исследование экономической социализации старшекласников.

Целью нашего исследования экономической социализации было выявление степени приверженности старообрядческой этике труда, традиционным ценностным ориентациям, выявление отношения к труду, богатству и бедности старшекласников-старообрядцев на основе сравнительного анализа данных двух выборок: представителей русского старожильческого насе-

ления (далее «русские») и юношей и девушек — старообрядцев Забайкалья (далее «семейские»); выявление взаимосвязи экономической социализации с внешним фактором (особенности воспитания в семье) и внутренним фактором (этническим самосознанием, самооценкой, уровнем субъективного контроля). Для решения поставленных задач мы использовали:

- модифицированную методику изучения старообрядческой этики труда, включающую 35 пар противоположных по смыслу высказываний, направленных на выявление: а) отношения к труду; б) проявления настойчивости в достижении результата труда; в) религиозные и моральные убеждения; г) отношение к аккуратности и чистоте; д) характеристик коллективизма. Каждая пара утверждений оценивалась по 5-ти бальной шкале, где ответы распределялись следующим образом: «1 и 5» — полностью согласен, «2 и 4» — согласен, «3» — затрудняюсь ответить;

- методику изучения ценностных ориентаций М. Рокича для изучения иерархии групповых представлений о системе значимых ценностей;

- анкету «Объяснение бедности /богатства, включающую 18 утверждений. Утверждения оценивались по 5-ти бальной шкале от -2 до +2 и др. методики.

Результаты, полученные на основе методики исследования ценностных ориентаций, представлены в виде двух групповых иерархий ценностей-целей и ценностей-средств, полученных путем ранжирования сумм рангов по каждой ценности (рис. 1, 2). Два групповых профиля терминальных и инструментальных ценностей затем подверглись статистическому анализу для выявления тесноты корреляционной связи по методу ранговой корреляции Спирмена.

Наблюдается высокая корреляционная связь систем терминальных ценностей (ценностей-целей) обеих групп испытуемых ($r = 0,89, p < 0,01$). И у «семейских», и у «русских» старшеклассников преобладают личные интересы, ценности социального взаимодействия над ценностями индивидуальной самореализации и общественными. В первой пятёрке обеих групп представлены такие ценности как здоровье, счастливая семейная жизнь, материальная обеспеченность, интересная работа, наличие хороших друзей.

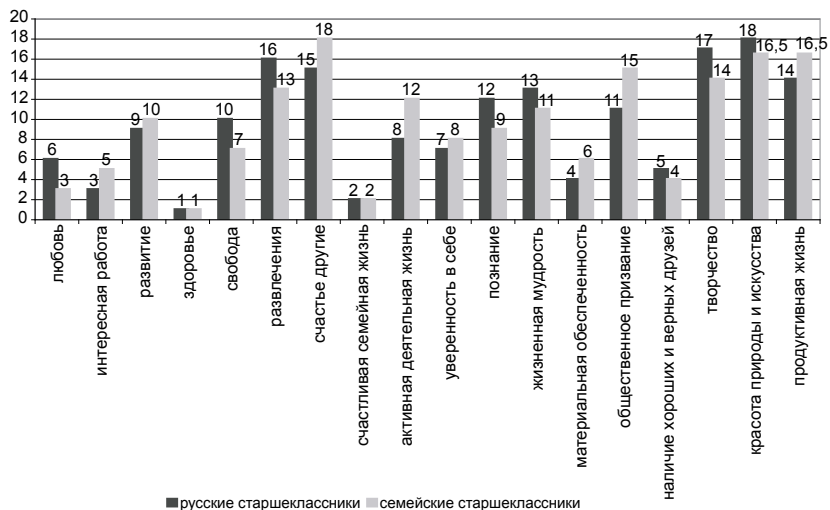

Рис. 1. Терминальные ценности «семейских» и «русских» старшекласников

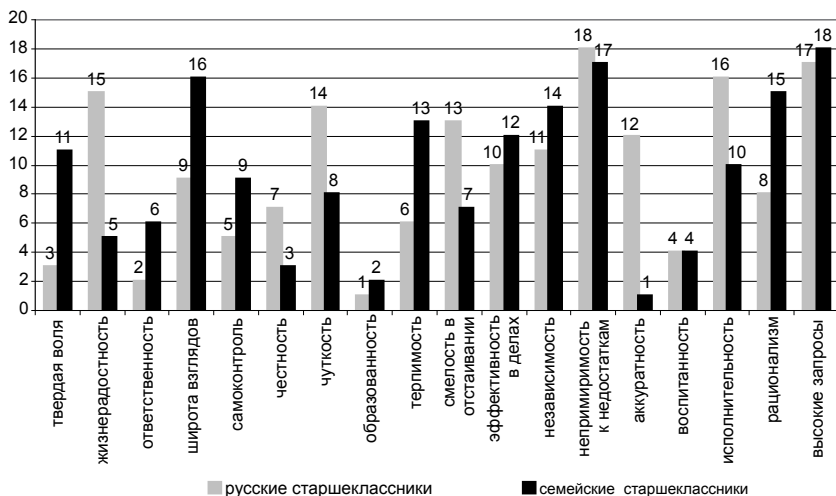

Рис. 2. Инструментальные ценности «семейских» и «русских» старшекласников

Что касается средств достижения ценностей-целей, они значительно отличаются у представителей обеих групп ($r = 0,38$). В чис-

ло наиболее значимых ценностей-средств «семейских» входят аккуратность, образованность, честность, воспитанность, жизнерадостность. Необходимо отметить, что среди целей-средств выделяются те, которые направлены на взаимодействие с окружающими. В системе ценностей-средств «русских» доминируют те, которые характеризуются направленностью на себя: образованность, ответственность, твердая воля, воспитанность, самоконтроль. Данное обстоятельство можно прокомментировать следующим образом. Если для «русских» старшеклассников характерно достижение цели, прежде всего, через самовыражение, формирование определенных личностных качеств, то их сверстники из старообрядческой среды в достижении своих целей ориентируется на общество (референтную группу), продвижение к цели происходит при помощи представителей своей группы.

По методике оценок позиций старообрядческой и «нестарообрядческой» этики труда заметные различия были получены по некоторым высказываниям (табл.).

Несовпадение распределений позиций по старообрядческой этике труда «русских» и «семейских» старшеклассников

Утверждения старообрядческой этики труда	«русские»	«семейские»	X²	Утверждения, несоответствующие старообрядческой этике труда
6. Неприязнь к упорному труду обычно свидетельствует о слабой стороне характера	2,65 ¹⁾	3,03	15,52**	Неприязнь к упорному труду необязательно свидетельствует о слабой стороне характера
16. Главным кормильцем в семье должен быть мужчина	3,23	3,94	9,61*	Главным кормильцем в семье может быть любой
20. Я поддерживаю строгое разделение труда на «мужской» и «женский»	2,74	4,19	18,15**	Я не согласен, что существует чисто «женский» и чисто «мужской» труд
28. В нашей семье не принято оставлять грязную посуду, разбросанные вещи и т.п.	3,52	4,58	10,94*	В нашей семье иногда оставляют невытую посуду или разбросанные вещи и т.п.

Окончание табл.

Утверждения старообрядческой этики труда	«русские»	«семейские»	X ²	Утверждения, несоответствующие старообрядческой этике труда
30. Если мне необходима помощь или совет, я могу рассчитывать на «своих» (людей разделяющих мои убеждения или взгляды)	3,74	4,08	9,72*	Если мне необходима помощь или совет, я рассчитываю только на себя
31. Я обычно не могу отказать в помощи «своим»	4,26	4,11	11,66*	Мне нетрудно сказать «нет» своим (людям, разделяющим мои взгляды, убеждения, веру)
32. Принимая решения, я стараюсь заботиться об их влиянии на людей своего круга	3,77	4,36	11,36*	Мне все равно, как повлияют мои решения на других людей. Даже из моего круга

* $p < 0,05$ ** $p < 0,01$

¹⁾ Усредненные значения пятибалльных оценок двух стимульных объектов по шкалам. Масштаб шкалы — от 1 до 5 (середина — 3). Высокий балл 5 соответствует левому полюсу шкалы.

Таблица дает основание утверждать о наличии особенностей в позициях старообрядческой молодежи, что, на наш взгляд, важно использовать на перспективу для формирования инновационной психологии старообрядцев.

Можно и нужно сказать о значении опыта старообрядцев для современной жизни страны. Он, этот опыт, учит отстаивать свои убеждения, защищать свои традиции от конъюнктурных поползновений, сохранять мудрость народа в решении актуальных проблем. В интересной статье «Старообрядцы и новое мышление» А.В. Антонов подчеркивает ряд особенностей старообрядческой психологии, которые могут и сегодня послужить делу: *диалогизм мышления; осознание свободы как первоэлемента* всякой здоровой церковной, государственной и общественной жизни; *борьба за неотъемлемые права человека*; стремление к *мирному сосуществованию* соседей — личностей и народов, *принципиальную неагрессивность*; признание *экологического аспекта*

для выживания людей: там, где они жили и трудились, местности становились цветущими уголками земли; *экологию культуры* — бережное хранение культурно-исторических ценностей⁹. Культивирование и широкое распространение приведенных духовно-нравственных приоритетов должно работать на оздоровление обновляющейся психологии народов нашей страны.

В рассматриваемой нами совокупности взаимоотношений «большинство — меньшинство» старообрядцы как специфическая часть носителей русского менталитета выполняют своеобразную роль. С одной стороны, они — не инноваторы, поскольку несли (и несут) в общество немало древнерусских, во многом забытых традиций. С другой стороны, сохраненные старообрядцами отдельные обычаи, ценности, атрибуты экономической культуры оказались востребованными и значимыми в условиях рыночных реформ, коснувшихся России. И эта «двусторонность» демонстрирует, насколько сложной могут быть культурологические и социально-психологические аспекты динамики традиций и инноваций.

Опыт старообрядчества учит понимать некоторые особенности влияния меньшинства-изгоя на «победившее» большинство, а также и возможные последствия непродуманных и неподготовленных инноваций. Рассмотрим подтвержденные судьбой старообрядчества примеры исторической правоты естественно-го хода социальных отношений.

1. Справедливость и целесообразность отстаивания «меньшинством» своего права следовать ценностям и установлениям предков, защищать свои идеалы и божества.

2. Отрицание насильственного (авторитарного, директивного) и неожиданного для большинства внедрения чего-то доселе нового и непонятного.

3. Неизбежность гонений на лидеров и ярких представителей традиционных взглядов и верований, физическое и моральное воздействие на протестующих и сопротивляющихся, вплоть до террора. Устранение с пути «нового» особо критически настроенных личностей и даже социальных групп.

4. Несостоятельность мнения об отсталости и порочности ориентаций на якобы «отжившие» и устаревшие ценности и ритуалы.

5. Неадекватность и категоричность деклараций, осуждающих и призывающих к обязательному вытеснению старых тра-

диций, не признающих возможность сосуществования в условиях конкуренции с ними.

6. Конформистское подчинение большинства народа внедряемым моделям веры, мышления и поведения из-за нежелания вступать в конфликты с представителями власти и религиозно-идеологическими институтами.

7. Изоляция и (или) самоизоляция протестующих групп в социальном и (или) территориальном плане с возможностью исповедания в «заповедных» местах своих исконных ценностей и сохранением нравственных основ традиционного образа жизни.

8. Признание окружающими чистоты нравов и социально-экономических норм хозяйствования и бытия «раскольнических» меньшинств, становление старообрядческих сообществ референтными группами для представителей других слоев и кланов; понимание их исторической правоты.

Таким образом, на примере старообрядчества мы можем уверенно выделить наглядные процедуры специфического влияния меньшинства на большинство, и механизмы таких воздействий нуждаются в изучении и обоснованном внедрении для нужд современной России.

Примечания

¹ Карнышев А.Д., Винокуров М.А. Этнокультурные традиции и инновации в экономической психологии. М., 2010. 480 с.

² Кордуэлл М. Психология. А–Я: слов.-справ. М., 1999. С. 120.

³ Антонов А.В. Старообрядчество и новое мышление // На пути к свободе совести. М., 1989. С. 330.

⁴ Настольный энциклопедический словарь: в 8 т. М., 1900. Т. 8. С. 5086.

⁵ Болонев Ф.Ф. Семейские: историко-этнографические очерки. Улан-Удэ, 1992. С. 60.

⁶ Михайлова Н. Церковь и раскол XVII века // Благодатный огонь: православный журнал. 1998. № 2. С. 23.

⁷ Цит. по: Андерсон Р., Шихирев П. «Акулы» и «дельфины» (Психология и этика российско-американского делового партнерства). М., 1994. С. 60.

⁸ Карнышев А.Д., Помуран Н.Н. Этнопсихология старообрядчества. Иркутск, 2004. 167 с.

⁹ Антонов А.В. Указ. соч. С. 332–333.